

ВЫСТУПЛЕНИЕ Ленинград. правда, 1986. - 27 июня. ДЕЛЕГАТА Д. ГРАНИНА

Представьте себе, товарищи, что вас послали в разведку. Выполнить задание, вы возвращаетесь и докладываете, что насчитали сто танков противника. «Э-э, нет! — вам говорят. — Это слишком много. Доложите, что не больше двадцати. Так приятнее». Примерно в таком положении находилась наша литература еще недавно.

Принудительный оптимизм, редактора под дулом ультиматума. Должен сказать, что это отнюдь не помогало перед силами реального зла. За последние полтора года зло приоткрылось перед нами, осязаемое широкими связями, правдами, наглое и, я бы сказал, временами бесстрашное. Обнаружились его масштабы, о которых мы не представляли. Очистительная работа партии требует немало мужества, непримиримости; она продолжается, будет продолжаться, и это великое благо нашего времени. Многие увиделись иначе, многое в наших книгах кажется теперь робким, мелким, сглаженным, без буревестников, хотя бы НТР. Кто в этом виноват? Наше соглашательство? Давление полуправды? Обстановка в Союзе писателей? Причин много, но оправданий мало.

Для всех нас было крайне важно требование полноты правды. Полнота правды относится не только к нынешней пятилетке. Она — и о ближайшем прошлом, о послевоенных годах и о войне. И о русской истории. Но это относится и к литературе. Русская литература накопила сокровища произведений авторов двадцатых, тридцатых годов. Василий Андреев, Добычин, Алейников, Замiatин, Введенский, Кузмин, Хмельницкий — десятки замечательных писателей, несправедливо вычеркнутых.

Движение жизни заставляет задуматься не только о положительном герое, но и о так называемом отрицательном герое. Мировая литература, и русская в частности, создали галерею героев зла и порока. На них проверялись и ставились острейшие проблемы нравственности. Растинык, Смердяков, Иудушка Головлев и Яго, Клим Самгин и Тартюф. И вот на фоне этих великих героев наши антигерои слабы, безвредны и глуповаты.

Между тем борьба, которая разворачивается сегодня, укрупнилась и чувства, и характеры. В этом единоборстве зло предстало куда более сильным, опасным и многочисленным, чем нам казалось. Оно не очень-то выбирает средства, если посягают на его власть. У него связи, средства, умение приспособиться. Это люди, вооруженные философией эгоизма, скепсиса, философией отнюдь не примитивной. Мы многое узнали о них, узнали и о борьбе с ними, часто героической борьбе оливочек. И надо признать, что многим нашим положительным героям не по плечу были бы такие испытания. Очень уж они у нас инфантильные, слишком заботливо их охраняли редакторы и платные и бесплатные, живущие

в нас самих, — охраняли от торжества несправедливости, от поражения, отчаяния, от трагической развязки. Их являли серьезных противников. Отрицательный герой нашей литературы — это не сатана, не дьявол, это мелкие бесы, злодеи без масок, без поддержки, одинокие жулики. И они не столько явление, сколько случайность. Нам есть за что себя упрекать не в силу святой требовательности, положенной каждому художнику, а за то, что по-своему мы (и это я отношу и к себе, и к своим товарищам) участвовали в приписках, уступках, в парадности и ориентировались не на собственную совесть, а на значки доблести.

Изменились мерки нравственного и безнравственного, и то и другое выросло. Принято время больших надежд, больших поступков, потому что слово и дело, разорванные до этого, стыкуются в одно целое.

При всем том надо сказать, что все эти годы создавались вещи действительно значительные, без мысли о быстрой печати и успехе. Судьба некоторых из них оказалась неоправданно трудной, решается годами. Я знаю несколько талантливых романов, написанных во имя непреложных требований совести и боли. Кто должен был заинтересоваться их многолетними мытарствами, помочь обдумать, разобраться. Кто? Думаю, что Союз писателей. Иначе для чего же он? Союз этого не делал. Уклонялся.

Это относится и к Ленинградскому, и к Московскому, и к Российскому союзам, и к нашему Всесоюзному, что ли, союзу.

XXVII съезд партии, его решения, его дух, смысл требует от нас, писателей, поддержать усилия партии обновить общественную жизнь. Но чтобы активно и действительно помогать партии, нам надо перестроить свою работу. Та перестройка, которая сегодня идет во всех областях жизни, касается и нашей писательской организации. Потому что, как это ни противостоит, но творческий наш союз страдает и очень страдает бюрократическими недугами. Мы превратились в ведомственное учреждение. Списки отмеченных, принятых, изданных; средний возраст, поездки, отчеты... Но кому это нужно, если союз не беспокоит судьба острого, спорного, талантливого произведения? Тогда зачем все эти кабинеты, телефоны, секретари и секретарши? И на съездах каждый раз признаем, что да, не занимались творческими проблемами. Думаю, что на фоне перестройки во всех областях хозяйства и управления пришла пора покончить с бюрократизацией союза, перестроить нашу организацию. Вот я слушал доклад, некал ответа на вопрос, который мне кажется важнейшим вопросом: как сделать так, чтобы в нашем союзе талантливым писателям было хорошо, а приспособленцам было плохо.

Почему этого не происходит? Союз лишился творческого духа. Идет молодой писатель в

союз, что он видит? А видит то, что писатели, которые занимают высокие должности, пользуются литературными преимуществами. Должность и звание часто защищают от объективной критики, следовательно, надо стремиться к положению, рассуждает. Он видит, что выигрывают не те, которые ищут правды, не те, кто занимается мастерством, а те, кто занимается суетой.

Он уверен, служение муз терпит суету. Можно ли творчество измерять наградами? И как соотносятся награды с читательским признанием? Не странно ли положение, когда литература расщепляется, является писатель, известный своей деятельностью, и писатель, известный своими книгами.

Судьба рукописи и судьба книги — вот две судьбы, из которых складывается судьба писателя. И это должно прежде всего заботить союз. Убедить тех, кто не понимает значение той или иной трудной роли, взять на себя ответственность.

Судьба рукописи — это не только те экстремальные случаи, о которых я говорил. На производстве ОТК призвано обеспечить качество продукции. Наше ОТК сплошь и рядом понижает, ухудшает качество нашей продукции. Недавно состоялась секретариат СП РСФСР об экологии. Слушая этот боевой разговор, обобщения, я думал, как хорошо, что писатели горячо, обоснованно выступают против неразумного вмешательства в природные процессы. Природа болеет от экологического невежества. Но и литература тоже страдает и болеет от грубого конъюнктурного вмешательства редакторов, издателей, а хорошо бы заняться охраной рукописи, охраной прав писателя. Речь идет и об охране индивидуальности, ее непохожести. Писатель дорог читателю своей отдельностью. А издателю он, наоборот, удобнее своей похожестью.

Однажды, давно это было когда обсуждался вопрос о редакторе журнала, я предложил Веру Федоровну Панову. Нельзя, сказали мне, она неуправляемый человек. Неуправляемый, значит, имеющий свое мнение, свои взгляды. Мне сказала, хватит нам Твардовского.

Нам действительно не хватает таких редакторов, как Александр Трифонович Твардовский.

У нас управляемые редакторы, управляемые издатели, у них управляемые критики, писатели. Плохо для них, что читателя нельзя сделать управляемым.

Литература наша, как разведка, она может помочь партии, разведывая правду, и надо надеяться, что не послушность и соглашательство, а галлант с его принципиальностью, непримиримостью будет все больше цениться в нашей литературной практике.

Наш съезд должен стать началом перестройки союза, чтобы не получилось так, что вот мы проговорим тут, съезд кончится, и все вернется на круги своя. (Аплодисменты.)